

Анна Фуконевская

Когда кролик атакует

Алина Николевская
Когда кролик атакует

«Издательские решения»

Николевская А.

Когда кролик атакует / А. Николевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964896-9

Роман из серии «Беги, кролик, беги!». История о том, как одна хорошая девочка попала, что называется, в переплёт. И ещё о правильности умозаключения великого датского философа Кьеркегора, считавшего смелость — единственным мериллом в жизни человека. Даже если это слабый маленький кролик, что идёт на смертный бой, умирая от страха. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-964896-9

© Николевская А.
© Издательские решения

Когда кролик атакует

Алина Николевская

© Алина Николевская, 2019

ISBN 978-5-4496-4896-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман из серии «Беги, кролик, беги!». История о том, как одна хорошая девочка попала, что называется, в переплёт. И ещё о верности умозаключения великого датского философа Кьеркегора, считавшего смелость – единственным мерилом в жизни человека. Даже если это слабый маленький кролик, что идёт на смертный бой, умирая от страха.

Смелость – это умение бороться в обстоятельствах, не внушающих ничего, кроме полнейшего отчаяния.

Гилберт Кит Честертон

Если бы Агнета не подняла с земли в тот злосчастный день тот злосчастный мужской пиджак, ничего из того, что с ней произошло, не случилось бы. Но она от полной растерянности и ещё из уважения к труду своих иностранных коллег-портных подняла с мокрого грязного асфальта дорогой кашемировый пиджак, что буквально швырнул ей под ноги, сорвав с себя, мужчина, которого она и разглядеть-то толком не успела. В следующую секунду мужчина рванул ворот сорочки, отчего разлетелись в разные стороны мелкие перламутровые пуговицы, и, побагровев лицом, перегнулся пополам. Сделав в таком положении на подгибающихся ногах несколько шагов к ожидавшей его у обочины дороги машине, он боком повалился на тротуар, хрипя и задыхаясь. К нему бросились несколько похожих на охранников парней и засуетились, пытаясь приподнять своего босса, придать ему сидячее положение. Ещё один охранник принялся вызывать по телефону «скорую помощь», одновременно разгоняя любопытствующих прохожих. Он и Агнете посоветовал идти по своим делам и не задерживаться. Она и пошла в полном смятении домой, совершенно забыв о перекинутом через руку чужом пиджаке.

Вспомнила она о нём только перед собственной дверью, да и то лишь потому, что надо было достать из сумочки ключи, а пиджак мешал.

Подумала: «Боже, зачем же я его сюда притащила?». И направилась к лифту с целью спуститься на первый этаж, выйти из подъезда, пробежать полквартила до места недавнего происшествия и там избавиться от чужой дорогой вещи, повесив пиджак на ближайшее дерево. Но тут двери лифта разошлись, выпуская двух мужчин примерно одного возраста и одинакового роста – русого и брюнета.

– А воровать, деточка, нехорошо! Особенно у умирающих от сердечного приступа людей. – Подскочив к Агнете, русский схватил пиджак и принялся его ощупывать. – По карманам шарила?

– Нет, нет, что вы! – Агнета покраснела до пульсирующей боли в висках. – В это трудно поверить, но я чисто автоматически его с земли подняла. Честное слово! Я не воровка, я портниха. – От стыда у неё стянуло кожу под волосами, и задрожали губы. – Понимаете, это просто привычка такая – уважать хорошо сшитые вещи. Это меня совсем, совсем не оправдывает, но я очень, очень, очень прошу меня простить.

– А вот это мы ещё посмотрим, прощать тебя или нет. – Это сказал брюнет и, указывая попеременно на двери выходящих на лестничную площадку квартир, спросил: – В которой живёшь?

– В двадцать пятой, – с готовностью отозвалась Агнета с жалкой, несчастной улыбкой. – Я когда ключи из сумки доставала, тогда и...

– Одна живёшь? – перебил он её. – Сейчас дома кто-то есть?

Это был опасный вопрос, даже страшный, и она вдруг ощутила такую слабость, что помутилось в глазах, и закружилась голова.

«Боже, что же делать? Кричать, звать на помощь, сообщить им, что в доме есть злая собака? Или паниковать ещё рано?».

Агнета молчала, борясь с подступающей тошнотой. А брюнет, между тем напирал:

– Что, нет никого? Ну, так открывай дверь. Запускай гостей. Впрочем, я сам.

Он отобрал у неё сумку и весьма профессионально извлёк из специального карманчика ключи, которыми тут же весьма профессионально воспользовался.

– Что ты задумал? – тихо спросил русский. – Всё же на месте. Зачем она тебе? Приключений захотел?

– Никаких приключений. Всё только по делу. Эксперимент продолжается.

Русый покачал головой.

– Это неправильно. Она же фактически оказала нам услугу. И потом, ты что, не видишь, это же форменный кролик, к тому же худенький. Нет массы тела и давление, наверняка, пониженное, не говоря уже о слабом электромагнитном поле.

– Вот на кролике и проверим, сработает при таких параметрах или нет. – Брюнет произнёс это, силой затаскивая Агнету в квартиру, куда она, поняв из жуткого диалога, что самый кошмар для неё только начинается, заходить не желала – сопротивлялась, упираясь руками в дверной косяк. Кричать при этом она пыталась, но в сдавленном ужасом горле крик словно окоченевал, превращаясь в слабый птичий писк.

– Чего пишишь? Боишься? – Брюнет за волосы втащил её – дрожащую, почти теряющую сознание – в комнату, подволок к зашторенной балконной двери. – Стой здесь и не двигайся. Будешь хорошей девочкой, ничего плохого с тобой не случится. Случится только хорошее. Ты же хочешь послужить науке? По глазам вижу, что хочешь.

Глаза Агнеты были полны слёз, а руки холодны, как лёд. Их она изо всех сил сжимала в попытке не утратить остатки самообладания, не расплакаться страшно и безнадежно. Она дрожала от мерзкого ощущения позора, связанности и полной беспомощности, и ещё от необъяснимости происходящего.

– Протяни правую руку, – потребовал подошедший к ней вплотную брюнет. – Расцепи руки и протяни мне правую? Не понимаешь? – Он с размаху влепил ей пощёчину. Потом ударил ещё. – Так. Уже лучше. Оказывается, ты не совсем дура. Видишь, я кладу тебе на ладонь прибор. Маленький такой, как спичечный коробок. Но он определит, будешь ты отвечать на вопросы правдиво или станешь врать. Приложи прибор к сердцу, крепко прижми, очень крепко, и отвечай на вопросы. Вот так, умница. Ты замужем?

– Нет. – Агнета едва узнала свой голос, звук был похож на всхлип.

– Дети есть?

Снова всхлип, только тише.

– Ты одна живёшь? Или с родителями?

– Одна.

– А где живут родители?

– Нигде. – Она немного помедлила. Потом дрожащими губами с трудом выговорила: – Я сирота, с детства.

– Очень хорошо, ну просто очень хорошо! – Брюнет находился в крайней степени возбуждения – лицо покрылось красными пятнами, глаза блестели, он постоянно облизывал губы. Садист, стопроцентный садист, получающий от мучительства удовольствие. Молить такого о пощаде бессмысленно.

– Где ты работаешь? – в допрос решил включиться русский. – Ты вроде говорила, что портниха.

Агнета с надеждой обратила на него взгляд – в этом существе явно было что-то человеческое

– В магазине «Маркс э... эн... энд... Спенсер», – от озноба у неё стучали зубы. – Там я брю... брю...брюки клиентам уко... укорачиваю и ещё... ещё...ещё...

– Да не дрожи ты так, – прервал он её. – Не понимаю, какой смысл трястись от страха. Страх – это полезная функция. Страх – организующее начало и свидетельствует о понимании реальности, которую ты не в силах изменить. Или в силах. Только и всего. Давай, попробуй спокойно, без дрожи ответить – где находится магазин?

Агнета сделала глубокий вдох и произнесла на выдохе:

– На проспекте Мира. В Торговом Центре «Золотой Вавилон».

– Точно там работаешь?

– Да, да, конечно. Я не обманываю.

– Ладно, хватит. – Русский поднялся с кресла, где до этого сидел, положив ногу на ногу. – Думаю, достаточно. Двенадцать минут уже прошло. Давай, активизируй разряд. А я подстрахую.

Под одобрительные возгласы брюнета, он извлёк из внутреннего кармана куртки пистолет с глушителем и направил на Агнету.

«Ну вот, вместо чего-то человеческого – дульное отверстие – жерло тьмы, пустоты, забвения, небытия». Её словно снова обдало волной, только не холода, а жара, отчего пересохло в горле, в ушах появился звон, а во рту противный кислый металлический привкус. Агнета зажмурилась, внутренне уже готовая именно к такому исходу. А когда услышала хлопок, удивилась тому, что всё ещё стоит на своих ногах, прижимая к сердцу маленький странный прибор, а не валяется на полу с простреленной головой. Второй хлопок заставил её открыть глаза и с изумлением обнаружить, что валяется на полу как раз брюнет, только с простреленной грудью. В двух местах. О чём свидетельствовали расплывающиеся кровавые пятна на футболке.

– Штуковину-то отдай. – К ней подошёл русский, разжал её не желавшие разжиматься пальцы, ухватил похожий на спичечный коробок прибор, положил его в карман, после чего покинул квартиру. То есть, совсем покинул – ушёл, хлопнув дверью, и злосчастный пиджак с собой прихватил.

Так Агнетта осталась наедине с брюнетом. Он лежал навзничь и не дышал, совсем не дышал, как не дышат покойники. Кровь тихо вытекала из его ран, на лице, слегка перекошенном, застыло, а вернее сохранилось мечтательное выражение, словно продолжал предвкушать убийство. Он был страшен даже мёртвый, как какая-нибудь нежить из фильма ужасов или безумный маньяк – персонаж кровавого триллера. Агнета так и не решилась близко к нему подойти, не говоря уже о том, чтобы потрогать. Побрела на кухню, внезапно ощутив сильнейшую жажду. Там выпила три стакана воды, после чего вернулась в гостиную. Эти её действия напомнили ей эпизод из недавно виденного артхаусного фильма – там убитая карателями крестьянская девочка встаёт, заходит в дом, пьёт воду из ведра, потом возвращается и ложится на то же место, где была убита. Эпизод жуткий, а фильм абсурдистский. А вспомнился потому, что всё, что произошло в этот день с ней – Агнетой, тоже абсурд. Фантастическое, жуткое нагромождение чудовищных событий, лишённых порядка и связи. Вот кто такие эти каратели, вознамерившиеся лишить её жизни, предварив убийство нелепым, диким допро-

сом с использованием дурацкого прибора – якобы индикатора искренности? Впрочем, не такой уж и он дурацкий, раз русский его забрал, да с ним из квартиры и умотался. А лишить жизни за что? За то, что якобы украла пиджак их хозяина, – это, если они охранники-отморозки. Но на охранников они совсем не похожи (ничего понтово-акульего в повадках), и гопников не напоминают (ни одного матерного слова), скорей – ботанов не из бедных, что носят брендовую одежду, но к своей внешности равнодушны. И вот, значит, один ботан резко меняет свои планы и убивает другого по совершенно непонятной причине. В то, что пожалел бедного кролика, верится с трудом. Он этого кролика оценивал, как мясник на бойне, – что-то про массу тела говорил, мол, худенький очень.

Агнета вдруг вспомнила другой фильм – «Забавные игры». Там двое молодых психопатов с внешностью мальчиков из хороших семей убивали людей для забавы, целые семьи выкашивали, предвзято убийства изощрёнными пытками. И она подумала, что напрасно пытается постичь всё с ней произошедшее с позиций здравого смысла. Понять мотивацию убийц-психопатов невозможно, пытаться и дальше анализировать их поступки – опасно для собственного психического здоровья. Лучше призадуматься, что же ей в этой ситуации делать.

Но изменить ход собственных мыслей вряд ли удастся, если сидишь в хранящей ещё атмосферу кошмара комнате, на краешке дивана, тупо оперев взгляд в подошвы кроссовок уroda, застреленного другим уродом.

И Агнета переместилась в спальню с намерением включить мозг или то, что от него осталось. Для чего села в стоявшее у окна кресло, и снова на краешек – комфортно расположиться, откинувшись на мягкую, обитую шёлком спинку, положив руки на подлокотники, не позволяла внутренняя дрожь – свидетельство страшного нервного напряжения.

Казалось бы, чего проще – вызывай полицию, и пусть разбираются. Но Агнета даже думать не могла об этом без содрогания. Само разбирательство представлялось ей ужасным, состоящим из множества тошнотворных мероприятий процессом, который мог длиться годами и неизвестно чем закончиться. Это коренным образом повлияло бы на её жизнь, чего она допустить не могла, как обладательница счастливого билета.

«Вытянуть счастливый билет» – это, конечно же, банальность, расхожая фраза, которая повторялась так часто, что окончательно утратила свой первоначальный смысл. Такие фразы берутся из плохих романов и дурацких сентиментальных фильмов. Банальность – заношенный гардероб выражений. Банальность – «second hand» слов. Но в современном мире самые поразительные вещи часто описываются именно банальными фразами, потому что в них почти всегда заключена правда.

Итак, вытянула счастливый билет Агнета ещё два года назад, когда приехала в составе группы молодых модельеров в Париж на стажировку в Дом моды «Торрант». О выпавшей стажёрам удаче сообщила и Ирэн Реми – администратор модного Дома, обращаясь к ним на чистом русском языке с характерной для москвичек чуть жеманной интонацией. Она и оказалась бывшей русской подданной – Ириной Ремизовой, уехавшей из России в начале девяностых и ни разу об этом не пожалевшей. О перипетиях своей жизни Ирэн рассказала Агнете много позже, когда откровенность перестала казаться при их общении недопустимой. А тогда, при первой встрече проинформировала трёх девушек и одного юношу, что стажировка продлится год, и за это время стажёрам вряд ли удастся стать настоящими профессионалами, но освоить азы профессии, проникнуться восхитительным духом haute couture они смогут, если будут прилежно учиться, прислушиваясь к советам своей наставницы мадам Софи. Полное имя мадам Софи – София Эдит Ладур, и так повелось с незапамятных времён, с момента её появления в Доме «Торрант», что буквально всё – от сотрудников руководящего звена до простых уборщиц – обращались и обращаются к ней не иначе, как: «Софи, дорогая...». Поэтому нет ничего удивительного в том, что между собой её называют Софи-дорогой. И об этом немаловажном обстоятельстве тоже поведала Ирэн.

Позже выяснилось, что никаких советов Софи-дорогая давать не собиралась, она и наставницей-то не была, в том смысле, что никогда с учениками дела не имела. Платная стажировка вообще была вынужденным нововведением для модного Дома «Торрант», оказавшегося по разным причинам в тяжёлом финансовом положении. Таким образом, учиться – означало быть допущенным, воспринимая это как одолжение, в личную мастерскую Софи-дорогой, чтобы смотреть, как она работает, не докучая вопросами. Ещё выяснилось, что Софи-дорогая по-русски не говорит, но русскую речь понимает, так как состоит в родстве с ныне покойной Натальей Голицыной, бежавшей после революции от большевиков во Францию и открывшей в Париже в двадцатых годах прошлого столетия собственное швейное ателье. Агнета немного воодушевилась, решив, что это обстоятельство хоть немного её с Софи-дорогой сблизит.

Зато совсем не воодушевились остальные стажёры – две девушки и юноша. Впрочем, похоже, они изначально не видели себя в роли трудолюбивых муравьёв – внимательных, усидчивых, готовых к полной самоотдаче (ошибёшься в лекалах на один миллиметр, в изделии это вылетит в восемь сантиметров!). Нет, их планы были совсем другими. Поэтому девушки, мечтая стать бабочками – подиумными моделями, – не являлись на занятия, обивая пороги парижских модельных агентств, а юноша, тот вообще окунулся с головой в клубную гейскую жизнь, решив, видимо, что модельер он и так неплохой, а добиться успеха в мире моды ему поможет рекламируемая таблоидами гейская солидарность.

Как бы то ни было, а Агнета стала единственной ученицей Софи-дорогой, которая по словам Ирэн носила звание гранд кутюрье, утверждённое Палатой высокой моды. Под стать этому званию была и её творческая мастерская, поразившая Агнету окнами в пол, старинным мраморным камином, хрустальными люстрами и светильниками на стенах, украшенных прекрасными копиями картин Густава Климта. Пахло духами, звучала негромкая музыка – нежная, проникновенная, похожая на джазовые импровизации пятидесятых годов Стэна Гетца и Билли Эванса. Вокруг огромного раскройного стола стояли банкетки, и на каждой – конфекционная композиция из тканей разных фактур и расцветок, дополненная кружевом, стразами, плюмажем, фрагментами вышивки. Поразили огромные зеркала и манекены. Их было штук десять, не меньше, и все разные, начиная от витринных манекенов с модельной внешностью, кончая рабочими портновскими, в которые можно втыкать булавки.

Вот с булавок-то Агнета и начала. Вернее с их использования при создании сложносочинённых драпировок. Вначале она просто смотрела, как восьмидесятиррёхлетняя Софи-дорогая часами выкладывала на манекене драпировки из рабочего материала – белого полотна, и её сухонькие, испещрённые синими старческими венами ручки летали как бабочки, разглаживая ткань, закладывая складки, фиксируя их булавками, проверяя глубину, снова разглаживая, закладывая, закалывая... Потом Агнета попробовала проделать то же самое сама и даже пошла дальше – осторожно сняла опытный образец с манекена с тем, чтобы переместив его на стол, нанести модельные особенности на лекала основы.

Все эти действия и безмолвные, тщательно выверенные движения напоминали какой-то религиозный обряд, словно две монахини – старая и молодая – дали обет именно таким образом служить своему божееству – никому кроме них неизвестному.

Когда Агнета поделилась своими впечатлениями с Ирэн, та её уверила, что всё так и есть. Изготовление одежды «от кутюр» носит без сомнения сакральный характер, а все, кто работает в сфере «кутюр» – члены как бы одной масонской ложи. Причём, это не только портные, но и все мастера, судьба которых напрямую зависит от существования высокой моды. Карл Лагерфельд, например, собрал под крыло «Шанель» несколько прекрасных ремесленных Домов – обувщика Массаро, вышивальщика Лессажа, мастера плюмажей Ламарье.

На вопрос Агнеты, есть ли у Софи-дорогой дети, и была ли она замужем, Ирэн ответила: «Детей нет, и замужем не была». И посоветовала посмотреть ретроспективные коллекции

моделей великих умерших и ныне живущих кутюрье, чтобы понять, как им удалось превратить моду в искусство равное театру, музыке, живописи и фотографии, и каких жертв это стоило.

Так Ангета с разрешения Ирэн стала проводить все выходные в подиумном зале модного Дома «Торрант», где на большом плазменном экране происходило чудо: женщины – невинные, нежные цветки, цветки полыхающие, яркие, цветы тёмные, опасные – приходили и уходили, и каждая в этом волшебном цветущем саду была хороша на свой лад, как живое воплощение то светлой радости, то ностальгической печали, то сияющего возрождения.

Эта первозданность и великолепия позволяли каждому тонко чувствующему человеку ощутить просветлённость и в полной мере осознать: красота – это то волшебное и неизмеримое, на что наматывается весь остальной скучный мир. Агнете же в силу её душевной организации было дано и другое. Чем больше она питалась творениями великих мастеров, тем яснее понимала – появление ни одной из этих блистательных коллекций не было бы возможным без предощущения огромных возможностей и обещаний, без страхов, страданий, величайшего освобождения и глубочайшей вины. Да, да, вины Художника перед самим собой за принесённую в жертву искусству личную жизнь, упущенную любовь.

К этой теме однажды вернулась Ирэн, заговорив о несравненном Густаве Климте – любимце и любителе женщин, который, тем не менее, всю жизнь жил вместе с матерью и незамужними сёстрами. Но мысли Агнеты были заняты уже другим. И вежливо прослушав небольшую лекцию о необыкновенном, притягательном эротизме женских портретов художника, сочетавших фотографическую точность с особой мерцающей красотой и нежностью, она спросила:

– Вы же, наверное, знаете, что Софи-дорогая поручила мне самостоятельно разработать модель вечернего платья для жены саудовского принца?

– Да, да, конечно, – закивала Ирэн. – Кстати, саудовских принцев великое множество, а жён у них и того больше. И это прекрасно, и пусть их будет ещё больше, потому что сейчас это основные наши клиенты. Ну, так как, ты справилась?

– А я не знаю, – Агнета обречённо опустила плечи. – Софи-дорогая... она сказала: «Брукнер» и больше ничего не сказала. И я не знаю, что мне теперь делать.

– О, Брукнер! Да это же очень неплохо для первого опыта. – У Ирэн заблестели глаза. – Вот если бы она ничего не сказала, просто посмотрела бы и отошла – это было бы равносильно двойке или даже единице. А Брукнер – это композитор, безусловно великий, но в партитурах которого, по мнению Софи-дорогой, много лишних нот, слишком густая оркестровка, растрочено слишком много материала. Ты, наверняка, перемудрила с этой моделью, утяжелила деталями, перегрузила декором. Поработай над ней, особенно над пропорциями, добейся чистоты линий и благородства в отделке, и тогда, может быть, удостоишься оценки «Бетховен». Ну, что, приободрилась немного? – Ирэн, улыбаясь, прищурилась. – Теперь, наверняка, спросишь, какие существуют ещё оценки.

– Ну да, конечно, для меня ведь это очень важно. – Агнета действительно приободрилась, даже разругалась.

– Если создашь модель высокого романтического звучания, получишь «Шопена», «Шуберта», «Листа», «Брамса», «Вебера» или «Чайковского». Наградой за соединение романтизма с экспрессией будет «Малер». «Вагнер» – хуже «Брукнера» по той же причине перегруженности. Осмелишься на нечто концептуальное, немного безумное – тебя ждёт «Шёнберг», возможно «Скрябин» или «Стравинский». Высшая оценка – «Моцарт», но ты её вряд ли получишь, потому что, по мнению Софи-дорогой, никто из ныне живущих модельеров «Моцарта» недостоин, включая её саму. Ну, почему не спросишь: а как же Бах?

– А как же Бах? – послушно повторила Агнета с вопросительной интонацией.

– Бах – убеждённый протестант. – Ирэн подняла вверх указательный палец, она явно получала удовольствие от разговора. – Известен в первую очередь как автор и исполнитель

духовной музыки. Поэтому вряд ли его имя стоит каким-либо образом соединять с миром моды, трактуемой как совокупность ценностей и вкусов, принятых в светском обществе. Вообще, эта оценочная шкала абсолютно в духе Софи-дорогой и она абсолютно выверена эмоционально, но это, конечно, для тех, кто понимает.

Самым интересным было то, что у Ирэн была своя оценочная шкала, но относилась она не к изделиям от кутюр, а к человеческому бытию в целом. Выяснилось это при разговоре о геях, которых она терпеть не могла, за исключением тех, кто живёт на верхнем этаже.

– Верхний этаж – это ведь аллегория? – на всякий случай уточнила Агнета.

– Конечно! – Ирэн всплеснула руками. – Конечно, это аллегория! На верхнем этаже обитают творцы, гении и просто очень талантливые люди. По-настоящему талантливые, не самозванцы и не назначенцы. Вопросы пола там никого не волнуют, богатство не статусно, бедность не позорна, там одиноко, холодно, там нет страха смерти, а ледяной разреженный воздух способен веселить. На нижнем же этаже...

– Обычные люди? – предположила Агнета.

– Да. – Ирэн посмотрела на неё как учительница на прилежную ученицу. – На нижнем этаже живут люди со средними способностями. Они работают, играют, путешествуют, борются за статусность, заключают союзы, ведут сражения за богатства, осаждают любовью, вступают в браки и размножаются. Эта жизнь не эволюционна – за эволюцию отвечает верхний этаж – и отличается от средневекового, к примеру, существования лишь законодательством и современным бытовым антуражем.

– А этажи как-то соединены? – выразила надежду Агнета. – Между ними есть лестница?

– Конечно есть, – последовал ответ. – Даже из подвала можно подняться на верхний этаж. Но подвал – это место, куда лучше не заглядывать.

Обитательницей подвала почувствовала себя Агнета, когда вернулась из Парижа в Москву. И дело было не только в том, что почти сразу произошло расставание с любимым. С ним она переговаривалась по скайпу в начале своей парижской жизни почти ежедневно, потом общение стало редким, пока не прекратилось совсем. И вот сейчас он сообщил, что уезжает на Бали, чтобы путешествовать, заниматься дайвингом и совершенствоваться в туристическом бизнесе в качестве управляющего принадлежащей ему гостиницы, которую он купил, распродав московскую недвижимость. С собой он её не зовёт, так как понимает каких высот она сможет достичь в Москве с дипломом модного Дома «Торрант». Агнета, пожелав ему счастья и немного погоревав, решила, что они с любимым – люди противоположных интересов, так что всё к лучшему, и с дипломом он прав, хотя это был совсем не диплом, а свидетельство о стажировке, которое, как вскоре выяснилось, ни на кого в Москве никакого впечатления не произвело.

Вот это и было главной её печалью, как и состояние столичного модного пространства, которое за год её отсутствия скукожилось, как шагреневая кожа. Закрылись многие брендовые бутики люксового сегмента прет-а-порте, среднего сегмента и даже массового, такие, как «Зара» с её низкокачественной бангладешской продукцией, модные показы стали крайне редки, а знакомые модельеры жаловались на безденежье, отсутствие заказов и перспектив. В Центре Моды, куда Агнету с трудом, по старой памяти взяли, царил атмосфера нервозности и стервозности. Там все ненавидели всех, а особенно престарелых клиентов из шоу-бизнеса, что, скалясь подтянутыми, раскрашенными лицами и фарфоровыми зубами заказывали специальные костюмы, требуя голливудских «шика, блеска, красоты», но совкового ностальгического замеса с добавлением исконно-посконной русской разудалости. Типа мартини с водкой, настоянные на серпе и молоте.

Впрочем, водку для снятия стресса едва не пришлось пить ей самой, когда уволившись из центрomodовского гадюшника, долго не могла найти работу. Наконец, уже от полной без-

надёжности устроилась в сервисный отдел магазина готовой одежды «Маркс и Спенсер», где стала укорачивать коротышкам-покупателям чересчур длинные брюки. Как профессионал, она оказалась на самом чёрном, самом илистом болотном дне, по которому ползала никчёмным насекомым. Впрочем, никчёмным насекомым она ползала и в буквальном смысле – по полу, у клиентских ботинок, когда намечала новую линию подгибки.

После полугода такой жизни Агнета, наконец, поняла, что оказалась в мире, где не рождается почти ничего, чем можно было оправдать своё существование. Время казалось ненастоящим, не текло, а утекало, хотя происходили какие-то события, что-то делала, куда-то спешила. Но усилия не приводили к ожидаемым результатам – не то, чтобы вовсе ни к каким, но результаты никак не соотносились с прилагаемыми усилиями. С любыми усилиями, даже самыми героическими.

Её немногочисленные знакомые и друзья атмосферную выморочность не то, чтобы осознали, но кожей чувствовали, и на самом деле просто ждали, когда и чем это закончится. Агнету же еще мучительно преследовало ощущение разрыва между парижским периодом жизни и нынешним – два не связанных между собой куска – один полный смысла и радостных событий, второй – как сгусток мёртвой материи, как подвал, из которого нет выхода.

Хотя выход, на самом деле, был. И не один. Можно было, поступившись гордостью, поставив крест на собственных амбициях, попроситься под крылышко к любимому. Правда, для этого, вняв просьбам определиться в отношениях, придётся стать его законной женой, что, конечно, сломает жизнь обоим, но когда это ещё будет. Или, чем не выход – уехать из страны в надежде реализовать свой творческий потенциал в условиях свободной конкурентной среды. И она могла бы рискнуть – уехать хотя бы в восточную Европу, продав свою трёхкомнатную, в центре города квартиру. Но её волю словно парализовал прежний опыт – это состояние называется выученной беспомощностью – верившая, что ключ к успеху в труде и ученье она уже рискнула однажды, отдав все семейные сбережения за стажировку в Париже, но к успеху в результате не приблизилась ни на йоту, ещё и любимого потеряла. В общем, одни разочарования и вызывающие слёзы воспоминания о существующем, оказывается, на французской земле рае.

Но обитатели рая о ней не забыли. И однажды, в один из самых чёрных, самых депрессивных дней позвонила Ирэн и сообщила, что у неё две новости:

– Первая – печальная. Очень печальная. Умерла Софи-дорогая.

Грудь сдавило словно тисками, над переносицей залегли две глубокие складки.

– Я сожалею, – еле слышно прошелестела Агнета. И более не смогла произнести ни слова из тех дежурных фраз соболезнования, что приличествуют таким случаям. Просто стояла на кухне у окна, прижав пальцы к губам, и прерывисто дышала. Горестное событие естественным образом вписывалось в череду бед и несчастий последнего времени, и кроме эмоционального потрясения принесло осознание своего уже полного – окончательного и бесповоротного сиротства.

– Вторая – ошеломительная, – продолжала между тем Ирэн после минутной скорбной паузы. – Ты там сядь, если стоишь, на какой-нибудь стульчик. В общем, всё, что имела, она завещала тебе. Завещание было вскрыто нотариусом после похорон в присутствии душеприказчика, как положено по закону.

– Что? – Агнета не услышала собственного голоса из-за шума в ушах. – Что вы сказали? Повторите, пожалуйста. – А сама оперлась на кухонный стол, но ладонь, став влажной, скользила по гладкой поверхности, и сердце билось у самого горла.

Ирэн повторила, добавив: – Ты, детка, вытянула счастливый билет. Но это никакая не случайность. Софи-дорогая почувствовала, что вы с ней одной крови, ну или одной породы. Даже не знаю, как это лучше выразить. По-французски – «Les deux font la paire». Это как – «Два сапога пара», но без негативного подтекста. Ну вот, потому и оставила тебе виллу в Ницце,

деньги, антиквариат, драгоценности и главное – свой бесценный личный архив. Мои поздравления, и поверь – я очень за тебя рада. Как душеприказчик, я сделаю всё для реализации условий перехода имущества в точном соответствии с волей умершей. – И она принялась сыпать инструкциями на предмет неотложных действий, поскольку оформлять документы следовало в Москве, а вступать в наследство – в Париже.

До потрясённой Агнеты плохо доходил смысл её слов, и Ирэн пришлось ещё не раз звонить, объясняя, растолковывая, давая указания.

От нахлынувших воспоминаний у Агнеты потекли по щекам слёзы, но зарыдать в голос она себе не позволила – это лишило бы её сил. А силы ей нужны, много сил, чтобы избавиться от мёртвого уroda в гостиной, как от бревна, лежащего на дороге, ведущей к счастью. Тем более, что счастье уже близко: через два месяца будут готовы документы для вступления в наследство, и тогда – здравствуй, Париж! Так сказали в нотариальной конторе, сегодня, кстати, сказали, в день, который мог стать праздничным, а стал кошмарным. Но ничего, пока психопат не окоченел, всё ещё можно исправить. Всё ещё можно исправить. Для этого нужно взять из кладовки рулонную полиэтиленовую плёнку, замотать в неё труп (чтобы не оставял при транспортировке кровавого следа), перевязать верёвкой и подтащить к входной двери. А затем в три часа ночи, когда глухо, темно, все соседи спят, и сон у них самый крепкий, выволочь тело из квартиры и спустить по лестнице на площадку к мусороприёмнику. Там уroda следует оставить, освободив от плёнки, которую необходимо тщательно отмыть от крови, как и пол в гостиной, его, кстати, есть смысл покрыть ковром. В кладовке всё имеется, старые ковры – тоже.

Всё, что задумала – Агнета осуществила, и в шесть часов утра с тяжёлым расстройством функций всего организма, еле передвигая ноги, покинула квартиру. На метро она доехала до Гоголевского бульвара, где опустилась на скамейку, намереваясь провести здесь весь день, а домой вернуться лишь вечером. Ни есть, ни пить она не хотела, а если бы и хотела, не смогла бы проглотить ни кусочка: воспоминания о том, что пришлось проделать, волнами ужаса давили на солнечное сплетение, вызывая желудочные спазмы.

«Надо переключить мысли на что-нибудь другое – приятное, тогда, может, и дрожь пройдёт, эта противная нервная дрожь».

Она закрыла глаза, но после нескольких бессильных содроганий ума, вновь их открыла, поняв, что темнота ей не союзник, и надо фиксировать внимание на чём-то живом, светлом, движущемся.

Живыми были люди, что двигались, как в сторону метро, так и в противоположную сторону. Но светлыми их назвать вряд ли было можно, и таковыми их делала однообразная неинтересная одежда. Джинсы, футболки, куртки – всё тёмных тонов и выполнено в так называемом молодёжном стиле, которому следуют и те, кто давно не молод. Разнообразили толпу лишь объёмные шарфы и разноцветные кроссовки, но по-настоящему яркие хипстерские прикиды встречались крайне редко и не могли изменить общей картины серости и убожества. Ирэн как-то прочитала на тему общей серости целую лекцию, и Агнета вспомнила её основные тезисы: мода, как то, что радует глаз своей новизной, умерла, победила универсальная одежда, весь мир одет одинаково.

Она тогда спросила:

– Получается, от кутюр – не мода?

– Сейчас не мода. – Ирэн отрицательно покачала головой. – Это художественная, персональная трактовка, это искусство, это драгоценная ручная работа, это сознательный отказ от всякой универсальности. От кутюр был создан великими индивидуальностями и держится на великих индивидуальностях, и только им под силу, изменив перспективу времён, властью

своего таланта превратить катастрофическое настоящее в легендарное прошлое, когда все женщины хотели казаться прекрасными дамами, а мужчины – благородными джентльменами, умеющими делать подарки. А главное – понимающими: модные предметы роскоши – это большой мир вещей, имеющих одну-единственную цель – служить любви, обострять чувства, оживлять мёртвую окружающую среду, волшебным образом наделяя её инструментами магии – от пудры и духов до бального платья, от перстня до портмоне, от пряжки для пояса до сумки. Всё это – пластический материал искусства очаровывать, являющийся гонцом, оружием, контрабандистом, боевым кличем.

– А какое прошлое вы считаете легендарным? – осмелилась на вопрос Агнета. – И неужели настоящее столь катастрофично?

– Не всё сразу. – Ирэн выставила руку ладонью вперёд. – Вначале о легендарном прошлом. Для меня – это, безусловно, пятидесятые, стиль «new look» с его культом «новой женственности». Тогда модные платья сравнивали со скульптурой, а макияж – с графикой, недостатки фигуры корректировались корсетом и эластичным бельём, существовали даже специальные накладные бёдра, чтобы подчеркнуть тонкую талию. Дама не выходила из дома без шляпы и перчаток, украшений, маникюра и педикюра, часто посещала парикмахера, который делал завивку и укладку, а в конце 50-х – начёс. Этот шикарный женский образ гармонировал с не менее привлекательным мужским образом, олицетворением которого являлся Грегори Пек. Высокий, симпатичный, ироничный, уверенный в себе, в элегантном фланелевом костюме, в пальто из верблюжьей шерсти и мягкой фетровой шляпе. И каждый второй служащий в Америке 50-х годов выглядел не менее элегантно – в костюме поверх сорочки, дополненной галстуком, галстучным зажимом, запонками. А как сейчас выглядит каждый второй служащий? Это я о катастрофичности настоящего. У меня вообще впечатление, особенно, когда бываю в исторической части Парижа, где полно туристов, что город захвачен варварами, одежда которых вопиющим образом не соотносится с прекрасными зданиями и великолепными архитектурными ансамблями. Люди словно решили не обращать внимания на свой внешний вид, на недостатки своего телосложения, которые можно даже превратить в достоинства правильно подобранной одеждой. Но они этого не понимают, а многие, выбирая одежду стрейч или, как теперь говорят – скинни, словно бы даже призывают: «Ну посмотрите, посмотрите же, какая у меня непропорциональная фигура, какая отвислая задница, какие кривые ноги!». Мне жаль этих невинных разумом созданий, особенно девушек, поскольку у одежды, кроме эстетической, есть ещё одна функция – защитная. А в их положении любой самый незначительный конфликт чреват переходом на личности с оскорбительным указанием на телесные несовершенства, которые они сами напоказ и выставили. Временами даже паранджу на них хочется надеть, чтобы не оскорбляли моего эстетического чувства, во-первых, и чтоб защитить их от враждебного мира, во-вторых.

– А паранджа действительно защищает? – не удержалась от вопроса Агнета.

– Ещё как! – Ирэн округлила глаза. – Я тут грешным делом сама как-то раз из хулиганских побуждений напялила на себя этот чёрный мешок с закрывающей лицо сеткой из конского волоса, это было ещё до того, как паранджу запретили на всей территории Франции. Ну и появилась в таком одеянии возле собора Нотр Дам, где полно туристов. Это было незабываемое переживание и для них, и для меня. Они старались не ускорять шаг и не смотреть на преградившую им путь чёрную, зловещего вида тумбу в бесформенных ботах, но я чувствовала их страх, их беспомощность перед внушающим ужас произволом судьбы и мной, как его олицетворением. И этот их страх заставил меня действительно почувствовать себя олицетворением зла с поясом шахидки под паранджой и ощутить свою власть над ними. Продолжалось это не более минуты. После чего я пошла прочь с горящими от стыда ушами, а они, наверное, выдохнули с облегчением оттого, что судьба-злодейка уползла в своё логово, дав жертвам передышку до следующего раза.

Ирэн надолго замолчала, и Агнета решила, что тема паранджи исчерпана, как вдруг её огорошили сообщением, что чёрный мешок не мешало бы надеть и на неё.

– Но почему?! – воскликнула она в ошеломлении. – Неужели мой вид оскорбляет ваши эстетические чувства?

– Дело не в этом. – Ирэн удобнее устроилась в кресле, улыбнулась. – Хотя, когда мы с тобой познакомились, на тебе была какая-то немислимого вида дерюжка с прошивками, кисточками и вышивкой «козлик». Да, да, я знаю, ты увлекалась тогда этно стилем, но дело, повторяю, не в твоей одежде, а в тебе, хотя и в одежде тоже. Короче, при первой нашей встрече я подумала: «Каким же беззащитным выглядит это создание – хрупкое, нежное, с хорошеньким личиком, с громадными голубыми глазами и спутанными белокурыми волосами. То ли ангел-сорванец, то ли лесная нимфа. Сочетание очаровательно детского с женским, наверняка, действует на нервы всяким психопатам, будоражит этих тварей, за версту чувствующих лёгкую добычу». Так я тогда подумала. И сейчас думаю, что тебе не мешало хотя бы иногда укрываться паранджой от этого мира.

В правоте Ирэн Агнета убедилась на следующий день, когда в дверь позвонил русский психопат. Она не хотела открывать, грозила вызвать полицию.

– Вызывай, – его голос звучал спокойно. – Заодно расскажешь о совершённом убийстве и как вытаскивала из квартиры труп. Этот факт будет подтверждён видеозаписью с камеры наблюдения, которую я вчера установил над дверью твоей квартиры. Камера аккумуляторная с прибором ночного видения, так что качество записи хорошее, можешь мне поверить.

– Что вам от меня надо? – пискнула из-за двери Агнета.

– Просто поговорить, – голос звучал всё также спокойно. – Я понимаю, ты меня боишься, поэтому приглашаю для разговора в ресторан. Я подожду здесь, а ты одевайся. Врываться не буду, обещаю. Для разговора можно выбрать и другое людное место, но в ресторане мы ещё и поедим.

Насчёт «поедим» у Агнеты плохо получалось, вернее, не получалось совсем. Она сидела за столом на краешке стула, стараясь не смотреть на психа, который ел за двоих, не сводя с неё глаз.

– А ты молодец. – Он ловко подцепил вилкой маслину. – Отлично выпуталась из ситуации и всё правильно рассчитала. Главное, не стала полицию вызывать. Если бы вызвала, укатали бы тебя лет на десять в тюрьму и разбираться бы не стали. А так, менты приехали, скорей всего, по вызову кого-то из соседей, обзвонили квартиры, сняли показания с тех, кто был дома, а тех, кто дома не оказался, как ты, например, их и опрашивать нечего. Верно ведь? Верно. Потом уехали, забрав с собой труп. И больше, я в этом уверен, они в твоём подъезде не появятся.

– Почему вы так думаете? – спросила Агнета, с трудом разлепив губы.

– Потому что труп был при жизни евреем из Минска, вот местные менты, которым делать что ли нечего, как всякие убийства расследовать, и постараются спихнуть это дело на своих белорусских коллег. Начнутся запросы, выяснения, бумажная волокита, не нужная ни тем, ни другим. В конце концов, дело закроют, заставив взять на себя это убийство какого-нибудь упыря, который, сидя в следственном изоляторе, и так обвиняется по тяжкой статье.

«А ты значит не упырь?» – подумала Агнета. Но ничего не сказала.

– А ты, правда, сирота? – спросил между тем упырь, намазывая на булочку масло, а сверху – красную икру.

Агнета утвердительно кивнула, решив не отмалчиваться и отвечать на вопросы честно, не упоминая, ни в коем случае не упоминая Францию, Софи-дорогую и оставленное ею наследство. И ещё решила сохранять хладнокровие. Но следующий вопрос едва не вывел её из себя.

– Значит из детского дома, куда сдала тебя беспутная мать?

– Мои родители погибли в автомобильной катастрофе. – Агнета прикусила губу, борясь с желанием вцепиться в наглое, невозмутимое упыриное лицо. – Меня воспитала бабушка, она умерла три года назад. И давайте мы уже закончим с расспросами, и вы, всё-таки, скажете, что вам от меня нужно.

Упырь поднял брови.

– Да мы же ещё не начали разговаривать. Мы ещё даже не познакомились. Кстати, как тебя зовут?

– Агнета. Но я не понимаю, к чему вам это знать?

– А к тому, что я Игнат! – Он засмеялся впервые за время их общения. И смех был громким, заразительным. – Ты Агнета, я Игнат, классно да? Именно Игнатом меня и будешь называть.

– Я не собираюсь вас как-либо называть, потому что не собираюсь с вами общаться.

– Так, Агнета, Агнета, Агнета... – Не слушая её, он наморщил лоб и забарабанил пальцами по столу. – Не так ли зовут блондиночку из «АББЫ» по фамилии... чёрт, как же её фамилия?

– Фельтског, – сказала Агнета. – Мама назвала меня Агнетой в честь Агнеты Фельтског, потому что «АББА» была её любимой группой.

– Ну конечно, – упырь Игнат хлопнул себя ладонью по лбу. – Теперь всё стало понятно. Понимаешь, у меня привычка ещё с университетских времён всё прояснять до самого конца, каждую свою эмоцию разлагать на молекулы. А ты знаешь, – он с прищуром уставился на неё. – Ты на эту Фельтског немного похожа. Вернее, как бы на её гипотетическую умершую в юности младшую сестру, портрет которой стоит в рамке на каком-нибудь комод. Не очень удачное сравнение, но в принципе верное.

«Конечно верное», – подумала Агнета. – «Мой портрет в рамке тоже бы стоял на каком-нибудь комод, если б ты не передумал меня убивать».

– Кстати, о смерти, – продолжал между тем Игнат, вытирая руки салфеткой. – Ты, я надеюсь, уже догадалась, что мужика, чей пиджак ты так неосмотрительно прихватила, убил вот этот уже знакомый тебе прибор. – Он достал из кармана пиджака металлический «спичечный коробок». – Принцип его работы заключается...

– Я ничего не хочу знать. – Агнета выставила перед собой руки, как бы отталкивая «коробок» и его хозяина. – Ни о приборе, ни о вас, ни о том, почему вы убили еврея из Минска и пощадили меня. Я хочу просто забыть обо всём этом кошмаре и никогда больше с вами не встречаться. Позвольте мне откланяться и пойти домой.

Она встала, отодвинула стул, но её остановили его слова:

– Конечно, ты пойдёшь домой, а оттуда – напрямиком в тюрьму мотать срок за убийство. Я же говорил, у меня видеозапись имеется, и следы крови в твоей квартире найдут, как бы тщательно ты пол ни замывала. Короче, я сдам тебя ментам на раз, если не будешь благоразумной. В твоих же интересах, между прочим, выслушать меня. Кругозор свой заодно расширишь.

«Насчёт „выслушать“ он, пожалуй, прав», – подумала Агнета, снова усаживаясь на стул. – «Если не выслушать психопата, – будет очень, очень страшно – от невозможности понять кто он, что с ним происходит, каков смысл его поступков, какие действия он совершит в ближайшую минуту, в ближайшие часы и дни, когда снова надумает ворваться в квартиру. Все дни и ночи до отъезда во Францию превратятся, таким образом, в один сплошной кошмар».

Вслух она сказала:

– Хорошо, я вас слушаю.

– Я был уверен, что согласишься. – Психопат бережно поглаживал металлический «коробок», как король из «Страшных сказок» любимую блоху. – Этот прибор не что иное, как литиево-ионная батарея с радиоуправляемым пусковым устройством. Мною усовершенствованная и не имеющая аналогов в мире. Вообще, уже существующие литиево-ионные батареи были бы

идеальны для использования в электромобилях, если бы не их дороговизна. Они требуют многоуровневой электронной системы управления из-за склонности к необратимой деградации при слишком большом разряде или самовозгоранию при высоких нагрузках. Ты, наверное, знаешь, что компания «Тесла Моторс» убыточна, близка к закрытию и существует до сих пор лишь за счёт других проектов Илона Маска. Знаешь, кто это такой?

– Ну да, – кивнула Агнета. – Что-то слышала.

Игнат усмехнулся.

– «Что-то слышала» – уже хорошо для блондинки. Так вот, человечеству для полноценной электромобильной революции нужны батареи нового типа. Но их пока ни у кого нет. Японская «Мазда» объявляла о том, что скоро у них в линейке будут электромобили, но когда их спросили, видят ли они перспективу окупаемости, последовало молчание. То же с «Фольксвагеном». Прозвучало заявление, что скоро они будут делать миллионы электромобилей, якобы уже не очень дорогих. Презентовали даже новую платформу, но вопрос батарей опять повис в воздухе. Нет решения, нет и покупателей. Всё упирается в тип батареи, в возможность быстрой зарядки колоссальными токами. Тебе понятно, о чём я говорю? Я, между прочим, ни одной женщине до тебя об этом не рассказывал.

Игнат внимательно уставился на Агнету, словно ожидая её благодарной реакции.

– Благодарю за доверие, – сказала она кратко. – Но нельзя ли перейти к сути дела?

– А суть в том, что не всё так безнадёжно! В лаборатории профессора Йет Мин Чанга из Массачусетского технологического института ещё с конца нулевых работали над усовершенствованием литий-ионных технологий. И я, – Игнат ткнул себя пальцем в грудь, – будучи учёным-физиком, оказался волею судеб в самой гуще этого процесса. В результате долгой интенсивной работы – без выходных, без отпусков, поставив крест на личной жизни – мы, почти случайно, обнаружили потрясающий феномен. При определённом воздействии на коллоидный раствор электродных материалов структура батареи начинала самовоспроизводиться! Дальнейшее изучение этого феномена и разработка технологии на его основе сулили фантастические перспективы. По расчётам Чанга ёмкость аккумуляторов можно было удвоить в сравнении с существующими аналогами, а себестоимость снизить наполовину. Метод самоорганизации позволял создавать батареи любой формы размером меньше спичечной головки, в том числе непосредственно внутри самих потребителей тока. Чанг тогда часто повторял: «Мы находимся только в начале дороги. Пройдя по ней до конца, мы перевернём мир!».

Игнат, желая скрыть охватившее его волнение, допил вино из своего бокала и, сцепив руки, устремил взор поверх головы Агнеты куда-то вдаль, словно видел там Кембридж и корпуса Массачусетского технологического института.

– Чанг даже вставил эту фразу в статью в научном журнале, – снова заговорил он, глядя всё так же вдаль. – И это привлекло внимание людей, умеющих превращать хорошие идеи в большие деньги. Не прошло и месяца, как нашим инвестором стала знаменитая «Sequoia Capital», на деньги которой в своё время были созданы «Google», «Yahoo», «General Electric» и многие другие крупные компании. За ней потянулись венчурные фонды, и нашим лозунгом стал призыв: «Инвестируй сегодня, завтра будет поздно!». Но вскоре, – Игнат тяжело вздохнул. – Вскоре работа зашла в тупик. Оказалось, что многообещающая технология работает лишь отчасти. Как следствие, рабочие характеристики продукта «плавали» в диапазоне от выдающихся до никуда не годных. Срок службы полученных батарей значительно уступал имеющимся аналогам из-за слабости кристаллической решётки. Она просто разрушалась за несколько циклов разряда. Чанг понял, что до создания промышленной технологии идеальных аккумуляторов для электромобилей ещё очень далеко, и свернул проект.

– Свернул проект? – поразила Агнета, которую заинтересовала эта история в части интриги, при полном непонимании сути преобразования литиево-ионных батарей. – А как же инвесторы? Разве можно свернуть проект без их разрешения?

– Можно, – Игнат махнул рукой. – В Америке можно. Там столько денег, что инвесторы с лёгкостью их теряют на одних проектах, чтобы с прибылью отбить на других. Проектов же там вообще хренова туча. Их стремятся реализовать приезжающие в Америку со всего мира учёные. В одной только Калифорнии в Кремниевой долине трудятся от пятидесяти до восьмидесяти тысяч русских. А сколько ещё китайцев, индийцев, малазийцев, даже из Южной Африки есть ребята. В научных центрах атмосфера такая, что всё дрожит от интеллектуального напряжения, ну и конкуренция там соответствующая. Понимаешь, один из главных моторов современной экономики, это инновационная рента. Что-то придумал, сделал, продал дорого по монополярной цене; потом очень быстро появились конкуренты, сбили цену – опять нужно придумывать новое. И ещё очень важно. Почти всё новое появляется в живой сетевой и очень динамичной структуре свободного бизнеса. А в данном случае инвесторы даже не стали вынимать из Чанга деньги, поскольку параллельно с нашим он работал ещё над одним проектом – по замене кобальтата лития на феррофосфат лития, заодно экспериментируя с марганатами, титанатами, станнатами, силикатами...

– Ну, это понятно, – перебила Агнета, боясь утратить способность ориентироваться по огонькам немногих понятных слов и смыслов. – Вы лучше расскажите, что произошло дальше лично с вами.

– Произошло «Прощай Америка!». С нами не стали продлевать контракт. Этот чёртов Чанг, эта сволочь, этот сраный конъюнктурщик просто выплеснул наши мозги на помойку!

Игнат – лицо в красных пятнах – надолго погрузился в молчание.

Через некоторое время Агнета нарушила тишину.

– Простите, а «с нами» что означает? – осторожно поинтересовалась она. – Вас целая группа, что ли, была учёных из России?

– Да нет, нас только двое было. Я и Михаил. Тот самый еврей из Минска, от трупа которого ты так ловко прошлой ночью избавилась. Достал он меня неаккуратностью, забывчивостью, наглостью и ничем не обоснованными амбициями. Он у Чанга тихо сидел, а в Москве разнузданся – захотел в теме главенствовать. А он в Москве кто? Да никто. Просто младший научный сотрудник, работающий по временному договору в институте химической физики Российской Академии Наук, куда я его устроил. Сам я после Штатов возвратился на своё прежнее место в этом же институте в качестве старшего научного сотрудника. Ну и кто после этого главнее?

Это было утверждение в форме вопроса, не требующее ответа, и Агнета просто подумала, какая страшная жизнь у младших и старших научных сотрудников, карающих смертью за одно лишь намерение главенствовать в теме. А какая, кстати, тема?

Игнат очень оживился, услышав вопрос.

– Ну вот мы и подошли к самому главному. – Он глядел на неё с явным одобрением. – Тема всё та же, литиево-ионная. Мы с Михаилом знали, что укрепить кристаллическую решётку электродов можно, если начать экспериментировать с введением ниобия, золота и серебра, поэтому просто не могли себе позволить не довести этот проект до ума. Кроме того, хотели умыть Чанга, а потом, нет сейчас в РАН никакой возможности начать что-либо новое с нуля. Везде разруха и запустение, и с оборудованием просто беда. Кстати, именно плохая оснащённость делала нашу затею с дальнейшим экспериментированием практически неосуществимой. Но помог случай. Понимаешь, самоорганизация по методу Чанга выглядит следующим образом: смесь наночастиц оксида кобальта и графита помещается в корпус будущей батареи, куда добавляется электролит. Частицы оксида кобальта притягиваются друг к другу, но отталкивают частицы графита. Процесс длится до тех пор, пока силы притяжения и отталкивания не достигнут равновесия, то есть, примерно за двенадцать минут. В результате образования пары анод-катод, полностью разделённой интерфазой – электролитом, батарея приходит в рабочее состояние и готова к разряду. Стоит лишь нажать кнопку пульта. – Игнат вынул

из кармана чёрную плоскую штукювину круглой формы, похожую на пульт-брелок для гаражных ворот и положил на стол рядом с металлическим «коробком». – Алгоритм понятен?

– Понятен, – неуверенно кивнула Агнета. – Но нельзя ли без технических подробностей?

– А их больше и не будет. – Он успокаивающе поднял руку. – Хотя вот ещё одна, самая главная: процесс самоорганизации не пойдёт без необходимых внешних условий – соответствующей температуры и соответствующего электромагнитного поля. Создать такие условия при плохой лабораторной оснащённости – проблема. Мы долго не могли её решить, пока вдруг не обнаружили, что необходимыми параметрами обладает человеческое тело! Зацени гениальность открытия!

– Живое тело? – уточнила Агнета, внутренне холодея.

– Глупый вопрос! – Игнат округлил глаза. – Конечно живое. Это потом при сильном разряде сердце не выдерживает и наступает смерть от инфаркта миокарда. Ну так вот, обнаружили мы это свойство человеческого тела случайно. И безалаберность Михаила тут сыграла положительную роль. Как-то раз, придя на работу, он по рассеянности напялил на себя вместо своего рабочего халата халат уборщицы, а уходя, зачем-то положил батарейку в нагрудный карман. На следующее утро я в хаосе его стола пульт нашёл, а батарейку обыскался. Михаил как всегда опаздывал, и я, находясь в сильнейшем раздражении, утопил кнопку пульта, просто импульсивно сжав пальцы. И почти сразу услышал в соседней комнате какой-то грохот. Это свалилась на пол уборщица, которая убиралась у нас раз в неделю, и был как раз её день.

– Она умерла? – спросила Агнета, чувствуя, как холод от живота опускается к ногам. – Её убила батарейка в нагрудном кармане?

– Ну да, умерла от разрыва сердца, – кивнул Игнат. – Сильный разряд убивает, и это, наверное, плохо. Но сильный разряд означает, что эксперимент прошёл удачно. И это хорошо. Кстати, когда Михаил велел тебе прижать батарейку к сердцу, это было частью эксперимента.

Агнета подумала, как незащищен человек перед лицом науки и как страшна его биологическая судьба. Вслух же спросила:

– А у кого был пульт?

– У Михаила.

– Если б он нажал на кнопку, я бы тоже умерла от разряда, как та уборщица?

– Совершенно верно. – Лицо Игната оставалось невозмутимым. – Но я был против использования тебя в эксперименте, поскольку не люблю бессмысленных жертв во имя науки. Я дал понять Михаилу, что худосочный кролик – не замена полнокровному кабану, и эксперимент, таким образом, не будет чистым. Но ты же помнишь его упёртость в желании настоять на своём. Командовал, руками махал, диспозицию выстраивал, допросы устраивал. Достал так, что пришлось от него избавиться. А ведь когда-то мы с ним очень неплохо сотрудничали.

Игнат принялся рассказывать о бомжах в районе аэропорта, которых они с Михаилом убивали десятками для положительных количественных показателей своих экспериментов, типа, чем больше разрядов выдержит батарейка, тем выше шанс создать надёжный, долговечный и экономичный аккумуляторный блок для электромобиля. А Агнете хотелось зажмуриться и закрыть ладонями уши, поскольку поняла: дело обстоит намного хуже, нежели она себе представляла. Ведь перед ней сидел не психопат, и даже не социопат, а некий, доселе неизвестный антропоморфный индивид, не обладающий человеческой природой в принципе. Он способен думать, разговаривать, совершать осмысленные действия, быть первооткрывателем в науке, но не в состоянии испытывать чувства, переживания, эмоции. Она чувствовала в нём существо настолько чуждое её опыту, её жизни, её прошлому, что представлялось чем-то диким, лишённым смысла задать простой вопрос: «Были ли дети у несчастной уборщицы?». Зачем, если об обездоленных бомжах он говорит, как о расходном материале, а её сравнивает с худосочным кроликом, на которого и пули (разряда батарейки) жалко. Выбирали они с Миха-

илом для своих экспериментов самых слабых и беззащитных, потому что беззащитность, как сказала когда-то Ирэн, – «будоражит этих тварей, за версту чувствующих лёгкую добычу».

А вот тут – стоп, – Агнета провела ладонью по лбу. – Мужчина, швырнувший ей под ноги дорогой пиджак, умирал в окружении охранников и впечатления беззащитного совсем не производил. Он скорее походил на полнокровного кабана. Видимо поэтому был принесён в жертву во имя науки?

Игнат засмеялся, когда она озвучила свой вопрос.

– О нет. Кабан тут ни при чём. Там совсем другая история. Понимаешь, у любого учёного, имеющего контакты с заграницей, есть здесь, в России, куратор из органов госбезопасности. Мой куратор на вопрос: «Имеет ли ваша нынешняя работа отношение к обороноспособности?», получил ответ: «Не имеет, но батарейка вполне способна убивать». С этого началось наше с ним сотрудничество. Я исполнитель, а он координатор проектов, то есть несёт ответственность за их реализацию, находит заказчиков и распределяет полученные от заказчиков деньги. Кстати, мой куратор с Михаилом не контактировал, понимая, что тот у меня просто на подхвате.

«Господи, ещё и заказные убийства!» – подумала Агнета. Но всё-таки решила уточнить:

– Под проектами вы подразумеваете заказные убийства?

– Я учёный, и ничего не подразумеваю. – Игнат нервно дёрнул плечом. – Выражаю свои мысли предельно ясно. Возможно для кого-то – это заказные убийства, а для меня – проекты, поскольку, кроме коммерческих, я преследую научные цели. Хотя и коммерческая составляющая очень важна. Сейчас я езжу на электромобиле «Tesla Model 3» с мощным электромотором, питающимся энергией от созданного мной усовершенствованного литий-ионного аккумулятора. Весит он не сто семьдесят килограммов, как у Илона Маска, а всего пятьдесят, и для его создания мне пришлось залезть в долги, набрать кредитов на десятки миллионов рублей. Но зато мой «Tesla» способен без заправки проехать две с половиной тысячи километров. Это как от штата Мэн, что на границе с Канадой, проехать без остановки до Флориды по шоссе №95. И обогнать на прямой не сможет никто, ускорение просто сумасшедшее. Впечатляюще, правда?

– Правда, – машинально согласилась Агнета, думая о своём.

– Уверен – американцев это тоже впечатлит.

– А зачем вы мне всё это рассказали? – задала она не без внутренней дрожи свой главный вопрос. – Выговориться решили перед тем, как меня убить? – Хотела добавить: «Душу облегчить?», но не стала, ввиду полного отсутствия у её визави души. Лишь приказала себе смотреть ему прямо в глаза.

– С какой целью мне тебя убивать? – На губах Игната появилась снисходительная улыбка – так улыбается взрослый, когда ребёнок спрашивает о чём-то трогательном, но уж очень несурзном. – Наоборот, мне тебя оберегать надо. Ведь ты теперь мой компаньон.

От неожиданности и негодования у Агнеты перехватило горло. Некоторое время она сидела молча, стараясь восстановить дыхание. Потом спросила:

– Компаньон в чём? В мучительствах и убийствах?! Вы хоть сами-то понимаете, что вы преступник? Самый настоящий преступник, попирающий все человеческие и божеские законы?!

– Обвинение в мучительстве я решительно отвергаю. – Игнат наморщил лоб. – Смерть наступает довольно быстро, в течение десяти-пятнадцати минут. Дай нам, боже, всем такую смерть. Так что тему Бога мы закрыли. Теперь, что касается человеческих законов. Закон есть не что иное, как выражение воли группы людей, объединённых некой общностью. Так? Так. Ну и что общего у меня с невежественными населюками, которых я как раз и считаю преступниками, разрушающими научную картину мира своими бреднями. Все эти стада и толпы НЛЮ, пришельцы, египетские пирамиды, экстрасенсы, пустотелая Луна, бункеры нацистов под

Антарктидой, тибетские пещеры. Правда людей не интересует, просвещение им нафиг не удалось – убьют за одну лишь попытку что-то им объяснить. Они не верят физикам, химикам, историкам, математикам, учёные опозлены, оболганы, высмеяны и дискредитированы. Наличие интернета ни на что не влияет, там развлечений на сотни жизней, можно на серьёзное не отвлекаться никогда. А вообще, я с тобой больше дискутировать не собираюсь. – Игнат, явно жалея, что дал волю эмоциям, с безразличным видом стряхнул с рукава несуществующую пылинку. – Я сказал – ты мой компаньон. И точка.

– Но почему я?! – взмолилась Агнета.

– Внешность у тебя подходящая. Такой кролик безобидный, белокурый ангелок, – никаких опасений, наоборот, желание погладить, приласкать, выполнить просьбу. Да ты не бойся, долго это не продлится. Я уже отправил статью в «Physics Today» и в несколько других изданий, думаю, скоро кто-нибудь обязательно откликнется. А пока нужно здесь набить побольше денег. С Чангом, как ты понимаешь, я больше работать не собираюсь. А вот на предложение Техасского университета, или Калифорнийского, или университета в Атланте – соглашусь без промедления.

Игнат ещё что-то говорил, но Агнета его не слушала. Она вдруг поняла, что этот молодой ещё человек в сером костюме и белой сорочке без галстука устал, как устают после многолетней непрерывной работы, и что это постоянное напряжение наложило отпечаток на жёсткие черты бледного, с тёмными кругами под глазами лица, сделав его похожим, несмотря на маску невозмутимости, на лица религиозных фанатиков эпохи кватроченто. Одновременно ей стало ясно, что в его голове таится чуткий расчётливый ум, взгляд отточен навыком профессиональной наблюдательности, а интуиции позавидовал бы северный волк, так что у Михаила, застреленного, якобы, по причине собственной безалаберности, не было никакого шанса уцелеть, когда литиево-ионный проект вышел на финишную прямую.

Агнета хотела задаться вопросом, почему Игнат застрелил своего компаньона не где-нибудь, а в её квартире и что это – простое совпадение или безжалостный расчёт, но это была уже непосильная на сегодняшний день задача для мозга, грозившего разлететься дикими осколками или угаснуть во сне.

Она и уснула. А проснувшись, попыталась вспомнить, каким образом она покинула ресторан и оказалась в своей квартире. Но преодолеть провал в памяти так и не смогла. Бросив это бесполезное занятие, долго лежала без всяких мыслей в неудобной позе на диване в гостиной (видимо, как на него вечером в одежде рухнула, так ни разу не пошевелилась за всю ночь) и не могла заставить себя подняться. Наконец, когда ей это удалось, первым делом позвонила на работу – сказала больно, таковой себя и ощущая, и лишь затем добралась до ванной в надежде, что душ смоев всю грязь и мерзость прошедших двух суток, поможет хотя бы на время забыть о пережитом и о том, что ещё предстоит пережить.

Отчасти ей это удалось, когда уже лёжа в спальне на чистых простынях, вдруг остро затосковала о любимом. Вспомнила, как путешествовали на машине по Италии, как плавали в прохладной голубой воде под крутыми склонами Самбуко, как сидели на веранде, потягивая martini – сухой и охлаждённый с лучшим английским джином. На пляже играли дети с загорелыми ногами; за пляжем были белые лодки; за ними мелькали морские птицы; за всем этим – пылающая синяя вечность. Любимый умел её смешить, и этого им бы хватило, чтобы прожить жизнь. Но при одном условии. Если бы она согласилась стать морской путешественницей и жительницей экзотических островов, где круглый год лето, где волны прибоя разбиваются о скалы, за восхитительными изломами вершин которых угадываются живописные долины с водопадами, тамариндами, с колышущимися под лазурным, блистающим небом цветами и травами. В Москве любимый страдал от тяжелейшей депрессии, сльвя при этом человеком уравновешенным, ироничным и даже весёлым. Работая юристом в крупной энергетиче-

ческой корпорации, он ненавидел свою работу, снег, зиму, весеннюю и осеннюю слякоть, Москву, как серую убогую городскую агломерацию, которую солнце освещает лишь шестьдесят дней в году, терпеть не мог её угрюмое население. Агнета пыталась убедить его, что Москва, несмотря на общую тошнотворность, обладает своим особым колдовством, не говоря уже о Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Риме. В зимние сумерки она усаживалась рядом с ним перед большими панорамными окнами в его квартире, наполняла стаканы грейпфрутовым соком пополам с виски, включала концерт Листа, и весь город расстился внизу светящейся рыже-золотой парчой, рассыпался миллионами глаз мерцающего света, и огненные хвосты неона тянулись во все стороны к окраинам от центра.

Это мало помогало, вернее, не помогало совсем, ибо каждый оставался при своём мнении.

Возможно, дело было в том, что любимый достигал гармонии с миром в слиянии с южной природой. Она же, любуясь невероятной природной нерукотворной красотой, ощущала лишь приятную расслабленность, далекую от того, что называется эстетическим волнением. Это волнение она испытывала перед полотнами Климта, Ван Гога, Сезанна, Гогена, подсознательно считая искусство чем-то более ценным, чем природа, более надёжным выразителем, оформителем и конденсатором Прекрасного. Ей было близко высказывание Эдварда Мунка: «Без моих картин я – ничто». Вот и она прожила бы жизнь, как «ничто», но зато рядом с любимым на природе, которой была совершенно не нужна, как чужое инопланетное существо. Своей она ощущала себя в мастерской Софи-дорогой, среди зеркал, манекенов, эскизов, тканевых композиций с их пиршеством фактур и красок: розовая гамма, разные оттенки зелёного, прекрасный васильковый, очень французский тёмно-фиолетовый.

Агнета вспомнила, как медленно, слегка прихрамывая, Софи-дорогая передвигалась вокруг огромного раскройного стола, как с одышкой присаживалась на несколько минут отдохнуть – кресла были предусмотрительно расставлены вдоль её маршрутов. Но при этом никогда не опаздывала и никогда не покидала мастерской, не наведя там образцового порядка. Следила, чтобы ткани перед раскроем были тщательно выглажены, чтобы мастера никогда не клали платя на плоскую поверхность: от начала до конца шитья их надевали на портновские манекены. В юбку и рукава, если это было нужно для сохранения формы, вкладывалась шёлковая бумага. В итоге казалось, что созданная ею одежда словно соткана из воздуха и её никогда не касалась рука человека.

До знакомства с Софи-дорогой Агнета воспринимала своё влечение к уединённой работе, своё нежелание или неумение приспособиться к упрощённой форме коллективного существования, как некий изъян психики. Временами даже впадала в отчаянье от выпадения из общепринятых связей и отношений, от отсутствия так называемых подруг. Софи-дорогая своим поведением, манерой жить, строить отношения с людьми доказывала обратное: одиночество творческого человека не означает ада или отчаяния. Оно вовсе не замкнутое и не пустое. Оно заполнено образами прошлого, отвоёванного, таким образом, у небытия и хаоса, и будущего, где бесконечно огромной части человечества надлежит занять своё место. Удержать один из тысячи этих образов, развить его, запечатлеть в эскизах на бумаге, воплотить затем в материале – одно это дает ощущение осмысленности жизни и оправдания своего существования.

В одном из телефонных разговоров Ирэн в утешение плачущей Агнете сказала, что смерть учителя укрепляет и закаляет ученика, и рассказала, что Софи-дорогая, зная о своём смертельном диагнозе, служила Красоте, пока хватало сил, а в своей последней коллекции хотела соединить линии молодости и старости, что тянутся навстречу и сходятся так, что нельзя уже разобрать, кто приходит и кто уходит, кто ведёт и кто следует, кто повинуется и кто оказывает честь. Хотела, но не успела. Умерла, оставив всё, что у неё было, любимой ученице.

Агнета дала тогда себе слово довершить начатое, какой бы трудной ни казалась задача – превратить захватывающую подиумную игру двух линий в аллегория жизни, в которой все-

лость – принцип поведения, подразумевающий бесстрашие и превосходство над обстоятельствами.

Пока же обстоятельства складывались для Агнеты самым кошмарным образом, и она снова подумала о любимом. Если бы не нотариальное оформление французского наследства, требующее её постоянного присутствия в Москве, махнула бы от всех этих ужасов, упырей-учёных к нему на Бали, не задумываясь. Он бы встретил её как королеву, ну или, если уже успел обзавестись там подружкой, – как любимого друга, что тоже очень неплохо. В любом случае она бы прекрасно провела время до отъезда в Париж.

«А может всё ещё обойдётся?» – попробовала она себя утешить. – «Удастся как-нибудь обхитрить отвратного Игната (даже не хочется знать настоящего имени), уговорить его оставить её в покое, и тогда всё быстро придёт в норму, ужас отступит, вернуться мечты, как она будет приезжать в гости к любимому в Индонезию, а он к ней – во Францию».

Утешая себя таким образом, Агнета заснула, а проснулась уже вечером от телефонного звонка.

– Менты не появлялись? – услышала голос Игната. – Нет? Ну я же говорил, что больше не появятся. Тут в новостях прошло – на Магистральной автосервис делят со стрельбой, вчера в Москва-Сити перестрелка была с дагестанцами, так на кой хрен ментам при таком коммерческом интересе всякой мелочью заниматься, типа убийства в подъезде гражданина чужого государства – персоны весьма незначительной, почти бомжа. Ты сейчас где?

– Дома, – едва слышно произнесла Агнета.

– На работе была?

– Нет. Я плохо себя чувствую.

– Ладно. Дуй сейчас в ресторан, где вчера сидели. Поговорить надо. Быстро давай.

– Но я не помню названия ресторана и не знаю, где он находится. Вернее, знаю, но не точно. Я сейчас ужасно себя чувствую. Давайте отложим встречу, пожалуйста. – Этот текст она жалобно пропищала, неизвестно на что надеясь.

Ответ был:

– Нет. Жду тебя немедленно. Записывай. – Игнат продиктовал адрес, пробурчал: – Такая молодая и такая плохая память.

К теме своей плохой памяти Агнета вернулась, лишь только увидела Игната.

– Я ведь даже не помню, как вчера вернулась домой, – сообщила она, усаживаясь за один с ним стол. – И не из-за шокового состояния. Просто у меня очень, очень плохо с головой ещё с детства. Я и вчерашний разговор с трудом припоминаю. Кажется, речь шла о помощнице. Так вот, помощница из меня никакая.

Он засмеялся так громко, что сидевшие поблизости начали оборачиваться.

– Бедняжка Агнета.

– Не вижу тут ничего смешного.

Его лицо приняло презрительное выражение.

– Даже, если б я не знал, как ловко ты избавилась от трупа в своей гостиной, я бы и тогда тебе не поверил. Так что нечего дурочку разыгрывать. Я для чего тебя вызвал – завтра начнём работать.

– Вы не можете работать с человеком, который вас презирает и ненавидит.

– Решила изменить курс? – снова засмеялся Игнат. – Ладно, валяй. За что ты меня ненавидишь, я примерно представляю. А за что презираешь?

– За то, что убили своего компаньона в чужой квартире, а мне пришлось за вами подчищать.

«Боже, что я несу!» – мелькнуло в голове. – «Откуда взялось это жуткое „подчищать“? Не ожидала от себя такого».

– Ты, наверное, не ожидала от себя такого, – словно прочитав её мысли, сказал Игнат. – Тест – он на то и тест, чтобы выявлять способности человека. Я уже говорил, что страх – это полезная функция, укрепляющая и поддерживающая, но лишь в случае, если ты не поддаешься трусости и не запаниковал. Преодолевший страх – это тот, кто, образно говоря, заглянул в пропасть и не отвёл глаз, встретив ответный взгляд. У кого я это прочитал, не помню, но очень верно сказано. Короче, ты тест успешно прошла, а я избавился от досаждавшего мне Михаила.

«Чтоб не делиться с ним деньгами и славой» – мысленно продолжила Агнета. А вслух, решив пойти на обострение, сказала:

– Да вы просто чудовище.

В ответ получила презрительную ухмылку.

– Ты злишься только из-за того, что мне наплевать, какого ты мнения обо мне.

– С чего вы так решили?

– С того, что это общее для всех женщин чувство. Они измеряют свою власть над мужчинами тем, как мужчины к ним относятся. Как только женщина понимает, что во всех смыслах безразлична, она начинает из кожи вон лезть, чтобы переломить ситуацию, заставить себе подчиниться. Со своим куриным умишком, начитавшись всякой дряни, дамы придают бог знает какое значение «отношениям», считают, что это главное в жизни, не понимая, какая это малость. Кстати, о дряни. Напоролся как-то в гостинице на некое сочинение под названием «женский любовный роман», так три дня проблеваться не мог.

Агнета не стала спорить, внутренне с ним согласившись, так как однажды на отдыхе испытала сходные чувства, взяв опрометчиво в руки книжку какой-то толстой, старой провинциальной тётки, где та с непостижимой откровенностью делилась своими тошнотворными эротическими фантазиями. Да и сетевые женские обсуждения, посвящённые теме «отношений», не вызвали ничего кроме брезгливости и отвращения. Тем не менее, «куриный умишко» – это уже слишком. Впрочем, хорошо, что он это сказал. И она снова пошла в наступление.

– Зачем вам компаньон с куриным умишком? Найдите себе умного.

– Умный у меня уже был, – мгновенно отреагировал Игнат. – А ты избежала пули по совокупности причин, одной из которых была та, что работаешь в «Золотом Вавилоне». Я ещё неделю назад получил от куратора ориентировку – объект часто посещает это торговое заведение, а во вторник, то есть завтра, навещается туда обязательно.

– Откуда такая осведомлённость? – Агнета задала этот дурацкий вопрос лишь для того, чтобы потянуть время.

– А вот это не наше дело. – Игнат сдвинул брови. – Всякая информация, помимо той, что нужна для работы, токсична. Запомни это. А теперь к деталям. Знаешь, как я завалил того мужика с пиджаком? Думаю, ты его никогда не забудешь. Так вот, получил я ориентировку, что по таким-то дням он бывает у любовницы. Пришёл к ней загодя, показал ксиву ФСБ и предложил поработать на Родину – положить подслушивающее устройство в нагрудный карман пиджака хахалю. Как она справилась с задачей, ты видела. «Подслушивающее устройство» сработало от моего пульта, и мужик окочился, выйдя из дворовой арки в окружении охранников, прямо на тротуаре. А вот дальше всегда встаёт вопрос – как заполучить батарейку обратно, поскольку сбор базовых статистических данных остаётся для меня актуальной задачей. Ну, тогда ты мне очень помогла – схватила отброшенный пиджак и почапала с ним к дому. Мы с Михаилом, естественно, – за тобой, чтобы отобрать пиджак и вернуть батарейку. Короче, к чему я это рассказываю. Твоя задача – завтра проделать ту же операцию – положить батарейку во внутренний карман пиджака объекта, ну или куртки, если он в куртке будет. Как можно ближе к телу, как можно ближе к сердцу. В брючный карман засунуть легко, но летального исхода может не быть, отделается лёгким сердечным приступом. Поэтому сделаешь всё, как я сказал.

У Агнеты отхлынула от лица кровь, и помертвели губы.

– Да как же я это сделаю? Я же там умру, прямо на месте!

– Ну умрёшь, и умрёшь, – пожал плечами Игнат. – Мужа и детей у тебя нет, родители погибли, бабушка тоже на том свете, так что никто и не всплакнёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.